

⁹ Wagner W.G. Marriage, Property, and Law in Late Imperial Russia. Oxford, 1994.

¹⁰ Kelly C. Refining Russia: Advice Literature, Polite Culture, and Gender from Catherine to Yeltsin. Oxford, 2001. См. также: Келли К. Вос-

питание Татьяны: нравы, материнство, нравственное воспитание в 1760—1840-х годах // Вопросы литературы. 2003. № 4. С. 61—97.

¹¹ См., например: Bourke J. The Story of Pain: from Prayer to Painkillers. Oxford, 2014.

Фёдор Гайда

Рец. на: М.А. Колеров. Археология русского политического идеализма: 1904—1927. Очерки и документы. М.: Common Place, 2018. 352 с.

Fyodor Gayda

(*Lomonosov Moscow State University; Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia*)

Rec. ad op.: M.A. Kolerov. Arkheologiya russkogo politicheskogo idealizma: 1904—1927. Ocherki i dokumenty. Moscow, 2018

DOI: 10.31857/S086956870005109-0

В изданный М.А. Колеровым сборник вошли его статьи и документальные публикации — как новые, так и публиковавшиеся ранее, а теперь исправленные и значительно дополненные. Как и в ряде прежних работ¹, в центре внимания исследователя находятся наиболее видные представители русского «социального идеализма» начала XX в. — П.Б. Струве, С.Н. Булгаков, Н.А. Бердяев и С.Л. Франк. Этой интеллектуальной кватриге Колеров придаёт особое значение. По его мнению, несмотря на политическое поражение, «их борьба и теперь сопровождает русскую мысль в её присягах и изменах национальному освобождению, либеральному индивидуализму, социализму (справедливости) и государству (культурно-исторической мощи). Впереди, в новой русской истории, — их очередное утверждение и опровержение» (с. 8; здесь и далее курсив автора).

Книга охватывает широкий исторический период, переломный для её героев. Молодёжь конца XIX в., по собственному ощущению, росла в атмосфере «безвременья» и постепенно нараставшей политизации. Разделение на «официальную» и «неофици-

альную Россию», отчётливо обозначившееся в 1881 г., являлось питательной средой для «гражданской скорби», а впоследствии и для целого каскада утопических доктрин. Политика, не дозволенная как вид практической деятельности, примешивалась к любым формам творчества. Властителями дум стали С.Я. Надсон и В.М. Гаршин, у которых социальный пафос явно доминировал над эстетикой. А.П. Чехов среди подобных кумиров был чем-то чужеродным. Однако Колеров показывает, как постепенно писателя признали «своим» в лагере «социального идеализма», где «общественная» проблематика была тесно увязана с представлениями о значимости личности (с. 14—31). В выявленном историком некрологе Бердяев писал о Чехове: «Тоска и томление по общественной правде и религиозному смыслу жизни, разлитые по всем художественным творениям Чехова, делают его продолжателем великих заветов русской литературы и создадут ему вечную память» (с. 34).

Социальный либерализм, покоившийся с 1902 г. на идеях сборника «Проблемы идеализма» (с. 248—249) и журнала «Освобождение», был ори-

ентирован на создание широкой коалиции противников самодержавия. Отсюда и оправдание политического терроризма в статье П.Б. Струве о казни И.П. Каляева (с. 253—254), и поиск политического соглашения с рабочими (с. 278—287), и настоятельное указание Булгакова на необходимость созыва церковного Собора лишь после открытия Государственной думы в 1906 г. «Освобождающейся Церкви нужно будет, — утверждал он, — прежде всего расправить отекшие от вековых оков члены и восстановить правильное устройство Церкви и возвращение ей нормального для неё *соборного* строя. Далеко не всем известно, что принцип нормальной организации Церкви есть самая подлинная и последовательная демократия, основанная на выборности решительно всех членов как клира, так и церковной администрации... Церковный собор может быть созван не раньше и не одновременно с созывом народных представителей, но после него, т.е. после того, как они установят *habeas corpus*, как незыблемое право русских граждан. Ибо с правовой точки зрения церковная свобода есть один из элементов *habeas corpus* и не может существовать при всеобщем беспорядке в полицейском государстве» (с. 256—257). Политизация коснулась даже религиозного искусства: фрески М.В. Нестерова в киевском Владимирском соборе, цветную репродукцию которых размещал Булгаков в газете «Народ» на Пасху 1906 г., трактовались в контексте грядущего освобождения страны от самодержавного деспотизма (с. 245—247).

Сотрудник Булгакова по «Народу» В.В. Зеньковский (в 1906 г. ещё студент) в своих статьях обосновывал возможность создания либерально-социалистического синтеза на основе религиозного сознания (с. 260—272). «Признавая, — рассуждал он, — что индивидуализм пре-

одолим лишь религиозно, мы вводим в социально-философскую мысль понятие *религиозной общественности*... Оно преобразует те основы современной социально-философской мысли, которые делают неизбежным конфликт двух активных сил истории. Преобразование это, опирающееся на понятие свободы, возможно лишь на почве религиозного миросозерцания, без которого и весь исторический процесс не может быть понят во всём единстве и в своей цели» (с. 270).

В сборнике освещена и внешнеполитическая программа «социальных идеалистов». Вкус к этой теме среди них, правда, имел лишь Струве, программа которого постепенно встраивалась в британскую картину мира. Реформированная на основе национал-либеральной доктрины Россия, получившая по соглашению с западными союзниками проливы Босфор и Дарданеллы, по мнению публициста, не могла представлять угрозу для «владычицы морей». Струве и его единомышленники видели новую Россию соседствующей с радикально ослабленной Германией, национальными государствами, созданными на развалинах Австро-Венгрии, и новыми колониями, образованными после распада Османской империи. При этом допускалось примирение с унитаризмом и украинством. Мир должен был обрести однополярный характер как политически, так и идеологически (с. 48—56, 64—75). Ещё не сокрушённая Германия, соответственно, предельно демонизировалась. Так, Булгаков в газетных статьях 1915 г. объяснял победы немцев приверженностью их культуры и цивилизации к чёрной магии технократизма (с. 305—310). С той же убеждёностью он во врангелевском Крыму обличал всемирный еврейско-большевистский заговор (с. 133—137).

В российском обществе Струве довелось стать притчей во языцех, по

крайней мере, дважды: в роли издателя журнала «Освобождение» и автора сборника «Вехи». «Предательство» русской интеллигенции её известнейшими представителями вызвало мощный резонанс, а позднее — целый шлейф злобных подтруниваний. Колеров анализирует причины отказа Струве напечатать в «Русской мысли» роман А. Белого «Петербург», где в образе главного героя — профессора Аблеухова — выведен сам Струве. Белый показывал «ставрогинскую природу русского радикализма», затронув интимные стороны души мыслителя, в том числе способность личности самореализоваться в одних лишь «актах суждений» (с. 86—90). «Умная ненужность», которую А.И. Герцен находил у русских западников, составляла, похоже, тайный страх Петра Бернгардовича (с. 168).

На фоне этой «ненужности», ещё более обострившейся в эмиграции, возникает трагический сменовековский образ председателя восточного отдела ЦК кадетской партии Н.В. Устрялова. Колеров реконструировал политическую и интеллектуальную биографию основателя национал-большевизма, перекидывая мостик от национал-либерализма П.Б. Струве к «советскому патриотиз-

му» И.В. Сталина (с. 169—227). Основную историческую заслугу Устрялова исследователь видит в том, что позднее «наибольшая часть русской эмиграции вне СССР выступила против Гитлера, а после, в годы “холодной войны”, старшая русская политическая эмиграция, не переставая быть антикоммунистической, так и не дала своего имени и моральной санкции на проекты расчленения Исторической России» (с. 227).

В целом, «Археология русского политического идеализма» даёт любопытный срез искушений «социального идеализма», без учёта которых едва ли можно составить адекватное представление об этом направлении в русском либеральном движении начала XX в.

Примечание

¹ Колеров М.А. Не мир, но меч. Русская религиозно-философская печать от «Проблем идеализма» до «Вех». 1902—1909. СПб., 1996; Колеров М.А. Индустрия идей. Русские общественно-политические и религиозно-философские сборники. 1887—1947. М., 2000; Колеров М.А. Сборник «Проблемы идеализма» (1902): история и контекст. М., 2002; Колеров М.А. От марксизма к идеализму и церкви (1897—1927). Исследования, материалы, указатели. М., 2017; Колеров М.А. Тоталитаризм: русская программа для западной доктрины. М., 2018; Колеров М.А. Изнутри: Письма Бердяева, Булгакова, Новгородцева и Франка к Струве. Переписка Франка и Струве (1898—1905/1921—1925). М., 2018.

Владимир Булдаков

Непонятый сталинизм?*

Vladimir Buldakov

(Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow)

Misunderstood stalinism?

DOI: 10.31857/S086956870005108-9

Название книги М.А. Колерова, появившейся в издательстве его же имени, выглядит загадочно. Возника-

ет вопрос: неужели И.В. Сталин отказался от И.Г. Фихте в пользу Л.П. Берии? Что заставило автора прочертить

* Колеров М.А. Сталин: от Фихте к Берия. Очерки по истории языка сталинского коммунизма. М.: Модест Колеров, 2017. 640 с.